

VI. Рецензии

Nikolay Mitrokhin. *Die «Russische Partei»: Die Bewegung der russischen Nationalisten in der UdSSR 1953–1985* [«Русская партия»: движение русских националистов в СССР 1953-1985]. (=Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 134). Stuttgart: *ibidem*-Verlag, 2014. 450 p. ISBN 978-3-8382-0024-8

Фундаментальная работа про русский национализм в послесталинском СССР спустя более десять лет после выхода на русском¹ теперь переведена на немецкий. Основываясь на многочисленных интервью с участниками движения и обширных архивных материалах автор освещает деятельность русских националистов в разных сферах: в комсомоле, Союзе писателей, РПЦ, движении за охрану памятников, а также в оппозиционно настроенных кругах.

Идейный спектр русских националистов в СССР был весьма разнообразен и включал в себя как поклонников Сталина, так и монархистов, как христиан, так и неоязычников, как сторонников рыночной экономики, так и национал-большевиков. Большое внимание в работе уделяется семейному бэкграунду активистов движения. С помощью исследования Митрохина можно выделить два основных «кадровых резервуара» неформальной «русской партии»: представители старых элит и их потомки, которым зачастую удавалось сделать в Советском Союзе впечатляющие карьеры, а также выдвиженцы послевоенных лет, выходцы из колхозов, получившие как участники войны и члены партии доступ к вузам и находящиеся там в привилегированном положении по отношению к другим студентам. Среди более молодого поколения, не принимавшего участия в войне, также встречалось немало потомков представителей элит царского времени. Их учеба выпала на годы антисемитской кампании против «космополитизма» и официального возвеличивания всего русского. Примером может служить кружок выпускников филфака МГУ, в который в числе прочих входили литературные критики Вадим Кожин (1930-2001) и Петр Палиевский (р. 1932), а также поэт Станислав Куняев (р. 1932). Группа ориентировалась на христианство, антикоммунизм и белогвардейскую романтику. Судя по всему, на группу оказал влияние и религиозный философ Алексей Лосев (1893-1988), к кругу учеников которого относились некоторые участники. Митрохин отмечает, что для этой группы вопрос самоутверждения в интеллектуальной среде не стоял так остро, как для вчерашних фронтовиков (с. 164), – в этом существенное отличие от представителей «дере-

¹ Митрохин Н. Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953-1985 гг.. М., 2003.

венской прозы», как правило, сверстников кружка Кожина – Палиевского. Долгое время именно «деревенщики» были самыми известными на Западе представителями легального русского национализма. Исследование Митрохина убедительно доказывает, что истоки этого литературного течения лежат в антисталинской литературе времен «оттепели». Только к началу 1970-х годов ведущие авторы направления перешли на националистические позиции. Такой смене взглядов, согласно Митрохину, значительно способствовала работа националистически настроенных комсомольских функционеров, которые активно воздействовали на молодых писателей. При Хрущеве группировка бывшего первого секретаря ВЛКСМ Александра Шелепина (1918-1994) выдвинулась на многие ведущие позиции. Лишь в 1967 году новый генсек Брежнев нейтрализовал «щелепинцев». Шелепин, возглавлявший в 1958-1961 годах КГБ, имел репутацию противника десталинизации и идеологического хардлайнера. К молодому поколению его сторонников принадлежал и Сергей Павлов (1929-1995), в 1959-1968 годах занимавший пост первого секретаря комсомола. Павлову удалось создать вокруг себя сеть националистов различных оттенков. Павлова особенно беспокоило культурное влияние Запада на советскую молодежь, которому он пытался противостоять с помощью комсомольских «оперативных групп».

Русские националисты имели поддерживающих их сторонников среди членов политбюро, к которым, кроме вышеупомянутого Шелепина, Митрохин относит Дмитрия Полянского и главу белорусской компартии Петра Машерова. Напротив, «главный идеолог страны» Михаил Суслов считался в среде русских националистов их противником, так же как и председатель КГБ и будущий генсек Юрий Андропов. Стоит ли упоминать, что слухи, ходившие в среде «русской партии», приписывали первому еврейскую жену, а второму соответствующее происхождение?

Исследование Митрохина не ограничивается националистами, действовавшими в системных рамках, оно описывает и историю преследуемых КГБ подпольных структур националистической ориентации. В период «оттепели» были многочисленные попытки создания подпольных организаций, преимущественно в молодежной среде. Были также и попытки создания групп среди заключенных в лагерях, при этом некоторые участники до этого считали себя противниками системы «слева» и примкнули к националистам лишь в местах лишения свободы.

Самая значительная попытка создания подпольной организации русских националистов (около 100 человек на момент раскрытия) оказалась одновременно и последней. После ареста в 1967 году в Ленинграде членов Всероссийского социал-христианского союза (ВСХОН) попыток создания русско-националистических нелегальных организаций практически не предпринималось. В 1970-ые годы нелегальная деятельность «русской партии» ограничивалась изданием самиздата. К тому времени о своих националистических симпатиях заявили и некоторые диссиденты, как, например, математик и правозащитник Игорь Шафаревич (р. 1923), о деятельности которого в работе Митрохина, к сожалению, сказано

весьма мало. О противоречивом восприятии русскими националистами Александра Солженицына в книге также повествуется очень сжато.

Одной из официальных ниш для русских националистов была так называемая антиссионистская «научно-пропагандистская» деятельность. Многие авторы, работавшие в этом направлении, проявляли особый интерес к биологическим расовым теориям, эзотерике и неоязычеству. К заметным фигурам этого спектра принадлежали, например, бывший анархо-синдикалист Анатолий Иванов (Скуратов) (р. 1935) или бывший комсомольский функционер Валерий Скурлатов (р. 1938). Имевший вполне «фрондерскую» репутацию писатель-фантаст Иван Ефремов (1908-1972) был, согласно Митрохину, также сторонником «арийских» теорий, что выражалось в его неприятии христианства и иудаизма при одновременном возвышении индийской и древнеславянской культур.

Книга Митрохина – результат тщательной исследовательской работы, позволяющей автору сделать выводы о советском обществе, выходящие за рамки заявленной темы. К сожалению, в работу закралось несколько легко избегаемых и оттого особенно досадных ошибок. С момента выхода русского издания прошло более десяти лет, тем не менее немецкое издание ограничивается лишь легкой переработкой отдельных глав, но не включает новейших публикаций по теме, как, например, исследование Геннадия Костырченко об антисемитизме при Хрущеве². За рамками работы осталась, например, деятельность русских националистов на уровне исторической науки. РПЦ посвящена обширная глава, в то время как старообрядцы даже не упоминаются, хотя из этой среды вышли, например, активный борец с «космополитами», историк Борис Рыбаков (1908-2001) или популярный в современных праворадикальных кругах писатель Пимен Карпов (1886-1963). Некоторые ошибки перекочевали из русского оригинала: так, Аполлон Кузьмин (1928-2004) был известным историком, а не «критиком» (с. 420). Другие ошибки на совести переводчиков. Так, советского министра культуры Фурцеву звали «Екатерина», а не «Елена» (с. 240), а члены ВХСОН никак не могли быть освобождены из лагеря в начале 1950-х годов, так как тогда организация еще не была создана (с. 241.). Но эти детали никак не умаляют того факта, что книга Митрохина, безусловно, попадет в список обязательной к прочтению литературы для всех изучающих советскую историю.

Евгений Казаков

² Костырченко Г. Тайная политика Хрущева. М., 2002.

Andrew Wilson. *Ukraine Crisis: What It Means for the West* [Украинский кризис: что он означает для Запада]. New Haven: Yale University Press, 2014. 236 p. ISBN: 978-0300211597

Этой своевременной книгой профессор Университетского колледжа Лондона (UCL) Эндрю Вилсон добавил еще одно важное исследование к своей серии влиятельных работ о посткоммунистической восточноевропейской политике. За последние двадцать лет Вилсон опубликовал целый ряд важных исследований посвященных, прежде всего, современной Украине и Беларуси, которые в немалой степени повлияли на формирование западного академического дискурса, а также и, в какой-то степени, на общественное восприятие постсоветской политики. Его последняя книга, пожалуй, наиболее хорошо читается как продолжение его предыдущих, не менее важных работ *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World* (Виртуальная политика: Поддельная демократия в постсоветском мире, 2005) и *Ukraine's Orange Revolution* (Украинская Оранжевая революция, 2005), также опубликованных издательством Йельского университета.

Центральной темой этих ранних исследований было использование постсоветскими диктаторами новых средств манипуляции, т.н. «политических технологий», а не только старых форм политических репрессий для обеспечения устойчивости их авторитарным режимам. Постсоветские автократы демонтировали демократию не путем открытого разрушения плюрализма, но с помощью сложных симуляций политических дебатов и целенаправленного реформатирования общественного дискурса «активными мероприятиями». В *Виртуальной политике* Вилсон, кроме того, показал, что эта подрывная постсоветская тактика имела свои истоки в опыте КГБ и других бывших секретных служб советского блока и в их методах подрыва восточно-европейских диссидентских движений 1970-1980 гг. изнутри.

В *Украинском кризисе*, Вилсон детально описывает, как Кремль теперь распространяет эти методы манипулирования, испробованные во внутренней политике, на сферу российской внешней политики и дипломатии по отношению к разным европейским странам, если не на российские международные отношения в целом. Несмотря на свое название, в этой книге речь идет в равной степени как о ситуации в путинской России, так и в революционной и военной Украине. Она представляет собой информативное изложение и хорошо иллюстрированное предостережение о применении Кремлем «политических технологий» в областях постсоветской геополитики, внешней разведки, межгосударственных дел и военной экспансии. Вилсон показывает, насколько было возможно на момент завершения рукописи летом 2014 года, глубокую вовлеченность России сначала во внутриукраинские процессы, приведшие, вопреки желанию Кремля, к смене режима в Украине, а потом ее роль в потере Украиной Крыма и в разжигании якобы «гражданской» войны в Донбассе.

Вилсон написал эту книгу весной-летом 2014 г. и тем самым целился в быстро перемещающуюся, малоисследованную и непредсказуемо развивающуюся мишень. Кроме того, он, как и все мы, является не только аналитиком, но и жертвой «информационной войны» и преднамеренной путаницы, порожденной многогранной и часто не сразу понятной пропагандистской кампанией Кремля. Кроме того, Вилсон еще не мог включить в свое исследование важную информацию, которая появилась только осенью-зимой 2014 или позднее в поддержку своей аргументации. К этим новым, ему еще не доступным веским уликам можно отнести, например, некоторые откровенные интервью первого «министра обороны» так называемой Донецкой Народной Республики Игоря Гиркина («Стрелкова») о начале и ходе «гражданской» войны в Донбассе, следственные отчеты расследований группы Bellingcat о сбитии малазийского самолета МН17 российской ПВО и применении российской тяжелой военной техники в Донбассе, а также признание В.В. Путина в марте 2015 г., что Россия была инициатором и организатором отделения и присоединения Крыма к Российской Федерации. Читая эту книгу, иногда ощущается временное давление и эмоциональный стресс, в которых, по-видимому, Вилсон писал это исследование. Для многих наблюдателей первая половина 2014 г. была волнующим периодом, когда украинское государство становилось, с одной стороны, более «европейским» и менее постсоветским, но и, с другой стороны, с каждой неделей все более неустойчивым и слабым.

Тем не менее, несмотря на эти ограничения, Вилсон в конце лета 2014 года дописал текст, который, особенно в момент его опубликования, выполнил (и будет выполнять) ряд функций не только для восточно-европейских исследований, но и для общественной дискуссии о природе «украинского кризиса». Во-первых, он опубликовал первую крупную «руссоцентристскую» интерпретацию предистории, происхождения и разворачивания противостояния внутри Украины в первой половине 2014 г. Хотя и многие другие наблюдатели утверждали о существенной причастности Кремля к ситуации в Украине, обширное исследование Вильсона продемонстрировало и контекстуализировало махинации российского руководства гораздо более наглядно, чем другие аналогичные исследования, опубликованные до середины 2015 г.

Во-вторых, хотя еще не было полной эмпирической картины роли Кремля в создании и эскалации кризиса в Украине, Вилсон решил подчеркнуть московское участие больше, чем это допускали подтвержденные данные в середине 2014 г. Было, несомненно, несколько рискованно отделиться от других западных украинистов, таких как Лукан Вэй (Торонтский университет), Сергей Куделя (Бэйлорский университет) или Иван Качановский (Оттавский университет), которые тогда сосредоточили внимание на местных корнях восточно-украинских потрясений. Тем не менее, с каждым месяцем с момента публикации книги все больше и больше доселе скрытых эпизодов событий 2014 г. выходили на поверхность. Большая часть этих новых сведений поддерживает первоначальную интерпрета-

цию Вилсона, которая, хотя и содержит некоторые пробелы, оказалась в целом верной и более убедительной, чем «украиноцентристские» интерпретации указанных политологов.

В-третьих, что, возможно, является самым главным, Вилсон ставит кризис 2014 г. в более широкий контекст исторических и сравнительных рассуждений о последних украинских событиях. Он соотносит кремлевское разжигание «украинского кризиса» с внутренними «политическими технологиями» Москвы, ее предыдущим вмешательством в украинские внутренние дела и ее более ранними аналогичными махинациями как в странах Балтии и Южного Кавказа, так и в Беларуси и Молдове. Эта контекстуализация до некоторой степени «деукраинизирует» «украинский кризис» тем, что она демонстрирует где, по каким причинам и каким образом Москва уже была глубоко вовлечена во внутренние дела стран, менее важных для России, чем Украина.

Таким образом, Вилсона можно поздравить с публикацией еще одного новаторского исследования постсоветской политики, которое несомненно долгие годы будет формировать наше понимание Восточной Европы. Хочется надеяться, что оно не будет последним.

Андреас Умланд